

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ**

© 2010 А.Х. Боров

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик

Поступила в редакцию 08.12.2009

В статье рассматриваются тенденции исторического процесса в регионе Северного Кавказа на протяжении XX в. Показано, что они имели в целом модернизационную направленность, но дуализм традиционного и современного, этнического и наднационального в структурах местных обществ и культур к концу 1980-х гг. далеко не был преодолен. Отсюда проистекает большая часть современных проблем регионального развития.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, история, интеграция, модернизация, XX век.

Постсоветская историография советского периода истории народов Северного Кавказа характеризуется тремя основными чертами. Во-первых, общим снижением интереса к его изучению. Во-вторых, концентрацией внимания на ранее “запретной” теме депортации ряда народов региона в 1943-1944 гг. В-третьих, особенно очевидной в немногих обобщающих работах устойчивостью основных подходов и периодизационной схемы, выработанных советской историографией.

В данной статье предлагается такой вариант общей интерпретации регионального социально-исторического процесса 1920-1980-х гг., который учитывает социально-политический опыт конца XX в. Это был опыт испытания на прочность результатов государственной и социально-культурной интеграции народов Северного Кавказа в большое российское общество и проверки их подготовленности к решению задач нового этапа российской модернизации. В такой перспективе выделяется два крупных этапа социально-культурной эволюции народов и обществ региона, хронологически соответствующих 1920-1950-м и 1960-1980-м гг. Они различаются механизмами, “наполнением” и результатами модернизационных и интеграционных сдвигов и условно обозначаются в данной статье как этапы политико-идеологической унификации и зрелой социалистической модернизации.

Этап политико-идеологической унификации

Официальная политико-идеологическая концепция СССР рассматривала 1920-1950-е годы как период, когда советское социалистическое государство сначала обеспечило восстановление и развитие народного хозяйства на основе

его многоукладности и на путях новой экономической политики (до конца 20-х гг.); затем, проведя форсированную индустриализацию и коллективизацию, добилось полной победы социализма (к концу 30-х гг.); и, наконец, организовав победу над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление и развитие экономики – закрепило окончательную победу социализма в СССР (к концу 50-х гг.).

В идеологии и науке того времени социально-политическое развитие северокавказских народов представлялось как полностью соответствующее магистральному направлению, внутреннему (социалистическому) содержанию и основным этапам развития всего советского общества и государства. Но в более широкой исторической перспективе 1920-1950-е гг. выступают как кульминация и процессов социально-политической интеграции северокавказского мира в российское общество, время существенного подрыва базовых функций традиционной этнической культуры по регулированию общественной жизни, и вместе с тем подготовки условий для реальной социально-экономической модернизации этнических социумов региона.

Основным фактором интеграции северокавказских народов в российское общество на этом этапе выступала их политическая и идеологическая “советизация”. Она базировалась на постулате о несовместимости традиционной социальной организации и культуры народов региона с принципами организации и функционирования нового социалистического общества.

С конца 1920-х гг. при осуществлении политических, экономических и социальных преобразований полностью игнорировалась социокультурная специфика местных обществ. Но при этом сохранялся национально-территориальный

*Боров Аслан Хажисмелович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории.
E-mail: aslanborov@gmail.com*

принцип административно-политической организации народов региона, а процесс социалистического строительства нес народам региона реальную социально-экономическую модернизацию и одновременно приобретал символическую форму национального расцвета.

С точки зрения экономического развития региона, традиционной характеристикой 1930-х гг. является их оценка как периода индустриализации. Если говорить о процессе и направленности экономической динамики, такая оценка сохраняет правомерность, но говорить об обретении региональной экономикой индустриального характера не приходится.

Так, достаточно бесспорно, что в 1930-е годы автономии региона добились заметных успехов в развитии экономики. Но столь же очевидны неравномерность экономического развития по отдельным автономиям и ограниченность его результатов. В целом, за небольшими исключениями (нефтедобыча и нефтепереработка в Чечено-Ингушетии, горно-металлургические предприятия в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии), в структуре промышленности преобладало мелкое, зачастую полукустарное производство, основанное на ручном труде и примитивной технической базе. Характерно, например, что на 1937 г. в Адыгее из 52 промышленных предприятий 31 было расположено в сельских районах области. Еще в 1951 г. в промышленном производстве здесь было занято всего 672 адыгейца¹.

Поворот к более масштабной индустриализации и диверсификации промышленного производства в северокавказских автономиях наметился уже в 1950-е гг., но разрыв в темпах индустриализации территорий и темпах становления социальной структуры индустриального общества у коренных народов региона оставался значительным. К концу этого десятилетия местный этнический социум автономных республик и областей Северного Кавказа стоял только на пороге подлинной индустриализации и урбанизации. Развитие машинно-технической базы сельскохозяйственного производства вплоть до этого времени также почти не влияло на социально-профессиональную структуру сельского населения.

Процессы социально-экономического развития сопровождались масштабной перестройкой этнодемографической структуры региона. В результате большинство “титულных” народов северокавказских автономий превратилось в этническое меньшинство среди населения республик и областей региона. Так, в Адыгейской автономной области доля титульной национальной группы

сократилась с 55,7% в 1926 году до 23,1% - в 1959. Титульные национальные группы Карачаевской и Черкесской АО, составлявшие 77,3% населения двух областей в 1926 году, в 1959 году вместе составляли лишь 33,1% населения Карачаево-Черкесской АО. Доля кабардинцев и балкарцев в КБАССР снизилась с 76,4% до 53,4% населения республики. Если чеченцы и ингуши составляли в 1926 году 94,5% населения Чеченской и Ингушской АО, то к 1959 году на долю чеченцев и ингушей в ЧИАССР приходилось 42,2% населения республики. Удельный вес осетинского населения, достигавший 84,2% населения СОАО, снизился после включения г. Владикавказа в состав области и к 1959 г. составлял 55,0%².

Согласно официальным оценкам того времени, экономика северокавказских автономий уже к концу 30-х годов приобрела индустриально-аграрный характер. Но масштабы реальной модернизации социально-экономических структур “этнических” обществ Северного Кавказа вплоть до конца 50-х годов были весьма незначительными. Они по преимуществу оставались аграрными. В 1939 г. доля городского населения в РСФСР уже составила 33%, а у народов Северного Кавказа уровень урбанизации оставался в пределах от 2,1% у балкарцев и ингушей до 7,4% у чеченцев. Среди наиболее урбанизированных из числа народов Северного Кавказа осетин доля горожан составляла в это время 20,8%. К 1959 году степень урбанизации народов региона несколько повысилась и выровнялась, теперь она располагалась в пределах от 10,8% у ингушей до 16,5% у народов Дагестана. По-прежнему в этом ряду выделялись осетины – 35,6% городских жителей, но и они далеки еще были от общероссийского показателя в 52% городского населения.

Развитие экономики и административно-политических структур в рамках автономий расширяло возможности для преодоления местными обществами деревенской замкнутости. Уже к 1959 г. рабочие и служащие составляли в социальной структуре Адыгейской АО 59,3%, Карачаево-Черкесской АО – 76,4%, Кабардино-Балкарии – 54,7%, Чечено-Ингушетии – 80,2%, Дагестане – 44,5%, Северной Осетии – 69,2% населения. Эти данные отражают не столько социально-профессиональную структуру коренного населения, сколько сдвиги в его непосредственном социальном окружении и новые возможности для социальной мобильности.

Основным фактором социальной мобильности постепенно становится получение общего и профессионального образования. За 1939-1959 гг. доля населения, имеющего высшее и среднее образование, в целом по РСФСР увеличилась в 3,4

раза. Темпы роста образовательного уровня народов Северного Кавказа были существенно выше общероссийских. Эти показатели варьировались здесь от 3,9 раза у осетин до 13 раз у аварцев.

Ориентация на получение современного образования становится теперь массовой социальной установкой. Воспроизводство местной образованной элиты (партийно-советской, хозяйственной, научно-технической и т.д.) постепенно перестает зависеть от идущего сверху “выдвиженчества” и выступает показателем “внутренней” социальной мобильности местных этнических обществ. Таким образом, в основном завершаются процессы культурно-психологической адаптации к условиям и требованиям социалистической модернизации.

Как соотносится с этим утверждением общеизвестный факт насильственного выселения и двенадцатилетнего пребывания карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев в Средней Азии и Казахстане на положении спецпоселенцев? “Внешняя” сторона вопроса связана с оценкой действий тогдашнего политического режима. Не вызывает сомнений их преступный характер. Иногда это преступление квалифицируется как геноцид. Доступные документы и факты не позволяют говорить о сознательном стремлении государственной власти к физическому уничтожению депортированных народов. Но вместе с тем весьма важно осознавать, что в этносоциальном опыте народов, подвергшихся депортации, присутствует элемент исключительности. Без учета этого обстоятельства нельзя понять многое из того, что происходило на Северном Кавказе с конца 1980-х годов, и нельзя строить современную политику в этом регионе.

И все же необходимо подчеркнуть, что основные линии социально-культурного развития этих народов происходили в период депортации в том же направлении, что и у тех народов Северного Кавказа, которых депортация не коснулась. По таким показателям социокультурной модернизации, как рост образовательного уровня, они также опережали среднероссийские показатели. Различия в темпах роста образовательного уровня между отдельными народами Северного Кавказа коррелировали с различиями исходных показателей, а не с фактом депортации того или иного народа. Так, у осетин, среди которых доля лиц со средним и высшим образованием уже в 1939 году составляла 10,8%, этот показатель к 1959 году вырос в 3,9 раза. У чеченцев же, подвергшихся депортации, доля лиц, имеющих среднее и высшее образование, увеличилась в 9,6 раза. Разрыв показателей уровня образования у этих народов сократился более

чем в два раза: с двенадцати к одному в 1939 году до пяти к одному в 1959 году.

Вместе с тем сохранившийся пятикратный разрыв между соседними северокавказскими народами по одному из ключевых показателей социокультурной модернизации демонстрирует существенные различия в глубине и масштабах их интеграции в общественную систему советской России. Один из наиболее глубоких современных исследователей социокультурных процессов на Северном Кавказе А.А.Цуциев считает, что различие типов национальной адаптации горских народов в российской государственности, возникшее в период российской колонизации региона (как оппозиция между “добровольным вхождением” и “покорением”), вновь стало отчетливо выраженным в 1930-е годы. Он выделяет две “крайние формы” национальной адаптации горских народов в России – “осетинскую” и “чеченскую”. В этнических сообществах типа осетинского, имевших опыт социально-классового расслоения и политической поляризации, новая советская “тотальная власть” довольно успешно находила адекватную своим целям социальную базу – молодых выдвиженцев, для которых социализм и советское государство становятся подлинной верой, школой и поприщем. В Ингушетии и Чечне фактически доминировала не советская, а традиционная элита – подлинная и органичная для своего сообщества, адекватная его социальной структуре, традициям и мировосприятию. Эта элита – духовенство и старейшины крепких фамильных групп – обеспечила значительный самосохраняющий антисоветский иммунитет вайнахов³.

В целом у тех народов, которые имели значительные массы сельского высокогорного населения (в том числе дагестанских), более устойчиво сохранялись позиции социального лидерства традиционных элит и обусловленное этим запаздывание процессов социокультурной адаптации, а опыт депортации придал этому обстоятельству некоторую политическую заостренность.

Различные аспекты социально-политической эволюции северокавказского общества реализовались неравномерно. В 1920-е гг. на первый план выступали сдвиги в культурно-идеологической и административно-политической среде при относительной устойчивости традиционной системы хозяйствования и деревенского уклада жизни. В 1930-е гг. сплошная коллективизация, огосударствление сельской экономики и бюрократизация колхозов приводят к слову “пореформенной” социальной и организационно-хозяйственной структуры, подрывают духовно-идеологическую автономию горской деревни, остававшейся до

этих пор средоточием воспроизводства этносоциальной и этнокультурной традиции. Затем период Великой Отечественной войны дал народам Северного Кавказа, по сути дела, первый со времени их вхождения в состав России опыт всенародной сопричастности к общей для всей страны трагедии и массового участия в вооруженной защите государства от внешнего врага. В 1950-е гг. переход социального лидерства к советскому поколению местных обществ и превращение государственной системы образования в основной механизм социализации подрастающих поколений, завершают интеграцию народов Северного Кавказа в российское советское общество в качестве его неотъемлемой части.

Этап зрелой соцмодернизации

Три десятилетия, с конца 1950-х и до конца 1980-х годов, стали временем значительных изменений в северокавказских обществах. Именно в эти годы происходят реальная и интенсивная модернизация социально-экономических структур (урбанизация, индустриализация) и подлинная революция в культуре местных обществ. Изменения социально-экономических структур в этот период определяются не столько перестройкой социально-демографического состава населения в результате механического притока русскоязычного населения извне региона, сколько трансформациями самих этнических социумов.

Ощутимо выросла их демографическая масштабность. Численность населения РСФСР выросла за 1959-1989 гг. примерно на 25%. Рост населения северокавказских автономий находился в интервале от 40% в Северной Осетии до 80% в Чечено-Ингушетии. В целом население шести национально-государственных образований региона выросло с примерно 3216200 до более чем 5305000 человек (в 1,6 раза). При этом темпы прироста численности русского населения здесь существенно замедлились в 1970-е гг., а в Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестане началось его сокращение. В результате прекратилось снижение доли титульных национальных групп в общей численности населения соответствующих автономных республик и областей.

За 1960-1970-е годы произошел скачок в уровне индустриального развития всего Северного Кавказа. К концу 1970-х гг. удельный вес промышленности в валовой продукции хозяйства составлял более 74%⁴. Одновременно заметно модернизируется промышленная структура. В Дагестане только за период с 1959 г. по 1979 г. построено и введено в действие около 20 машиностроительных заводов. В 1977 г. в промышленности Чечено-Ингушетии насчитывалось 128

современных предприятий, Северной Осетии – 139, Кабардино-Балкарии – 115 и Дагестана – 139⁵. Удельный вес продукции машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности вырос за это время с 16,5 до 31,7% в Дагестане, с 11,0 до 40,2% в Кабардино-Балкарии и с 5,0 до 24,6% в Карачаево-Черкесии. Соответственно произошло сокращение удельного веса традиционных для региона отраслей легкой и пищевой промышленности⁶.

Наиболее обобщенным показателем процессов социально-культурной модернизации является урбанизация. Так, городское население в РСФСР за 1959-1979 гг. выросло в 1,6 раза. За этот же период численность городского населения среди осетин увеличилась в 2,5 раза, у аварцев, даргинцев, кумыков и лезгин – в 2,9; у кабардинцев – в 3,9; у балкарцев – в 5,5; у чеченцев – в 6, и ингушей – в 10,2 раза.

Но характерной тенденцией для региона были также изменения форм сельского расселения. Прежде всего происходило их укрупнение. В среднем каждое северокавказское селение концентрировалось к концу 1960-х годов в 1,9 раза населения больше, чем в 1926 г. Абсолютно преобладающая часть сельского населения (69,6%) проживала в крупных поселениях (более 1000 жителей), хотя доля самих поселений составила всего 17,9%. По сравнению с 1959 г. число мелких поселений сократилось на 78%, а численность населения в них – на 59,1%. Число крупных поселений возросло на 24%, а численность населения в них – на 23,4%. Специалисты оценивали эту тенденцию как ярко выраженный процесс урбанизации села⁷.

Масштабы урбанизации в северокавказских республиках предстают еще более выпукло в пределах долгосрочных периодов. В Адыгейской автономной области в 1926 году не было ни одного города, а в 1989 г. численность городского населения превысила 225 тысяч человек, составив 52,1% населения области. Аналогичным было развитие в Карачаево-Черкесской АО, где доля городского населения к 1989 составила 48,6%. Показатель урбанизации населения Кабардино-Балкарской АССР составил 61,1% всего населения, а Северо-Осетинской АССР – 68,6%. Несколько ниже были они в Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР (41,4 и 43,2% соответственно). В целом показатели урбанизации в регионе уступали общероссийским, но динамика этого процесса была чрезвычайно высокой. Выше отмечалось, что в Адыгее и Карачаево-Черкессии урбанизация развивалась как бы “с нуля”, и к 1989 в каждой из этих областей численность городского населения вдвое превзош-

ла общую численность их населения в 1926 году. В остальных республиках количество горожан выросло от 9,6 раза в Дагестане до более чем 120 раз в Чечено-Ингушетии.

Другой показатель социокультурной модернизации – уровень образования населения северокавказских республик – также претерпел качественные изменения. Еще в 1939 году он оставался в пределах от 4,1% до 11,9% по среднему образованию и от 0,3% до 0,9% по высшему образованию. В 1989 году доля лиц, имеющих среднее образование, колебалась от 47 до 50,9%, а доля лиц с высшим и средним специальным образованием составляла от 24,1% до 31,7%. В итоге к 1989 г., когда в целом по РСФСР на 1 тыс. чел. населения в возрасте 15 лет и старше приходилось 806 человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием, на Северном Кавказе этот показатель колебался от минимального – 750 человек в Чечено-Ингушетии, до максимального – 831 в Северной Осетии.

Столь же динамично происходило сближение с общероссийскими показателями по удельному весу основных общественных групп. В РСФСР доля рабочих в общей численности населения выросла с 54,0% в 1959 г. до 60,5% в 1989 году, т.е. на 6,5 процентных пункта. По Северному Кавказу рост составил: в Адыгее – 15,3 (с 41,7 до 57%), в Карачаево-Черкесии – 1,6 (с 62,4 до 64%), в Кабардино-Балкарии – 20,3 (с 38,3 до 58,6%), в Северной Осетии – 14,4 (с 44,7 до 59,1%), в Чечено-Ингушетии – 10,4 (с 60,1 до 70,5%). В Дагестане рост составил 35,8 процентных пункта (с 26,9 до 62,7%). Происходило выравнивание и по удельному весу служащих. В 1989 г. он находился по Северному Кавказу в пределах от 21,5 до 30,5% против среднероссийского показателя в 32%.

Оценивая сегодня эти цифровые данные, важно понимать, что население северокавказских республик и областей включалось тем самым в единый для всей страны процесс социально-экономического развития, осваивало общие для современной экономики формы производственной деятельности, городского образа жизни и культурного потребления, содержание среднего и профессионального образования, все шире охватывающего народы Северного Кавказа, строилось на общенаучной рационалистической основе.

Но социокультурные последствия процессов модернизации социально-экономических структур были неоднозначными. Они сопровождались заметным ослаблением влияния традиционной этнической культуры на всю сферу социальных отношений и жизненного поведения народов Северного Кавказа. Культурные ориентации стар-

ших и более молодых поколений стали различаться на качественном уровне. Весомое участие в этом процессе принимал “внешний” фактор – общегосударственная политика и единая система образования с обучением на русском языке. Но не менее важна была переориентация самого местного общества с воспроизводства традиционных социальных и культурных образцов на социальные инновации, на модернизацию.

Баланс социальных трансформаций и этносоциального воспроизводства на исходе советской эпохи

Таким образом, важный результат этапа зрелой соцмодернизации – выравнивание и сближение социально-экономических характеристик северокавказских этносоциальных общностей со структурой российского общества в целом, достижение их принципиального “стадиального” единства. Но стирания национальных граней социального пространства региона к концу советской эпохи, конечно же, не произошло.

Прежде всего сохранялось определенное “оставание” северокавказских этносоциальных общностей по параметрам модернизации от общероссийского уровня и от русскоязычного населения Северного Кавказа.

Итоговые оценки социально-экономического развития Северного Кавказа в современных исследованиях отмечены амбивалентностью. По объективным данным, субъекты Северного Кавказа эволюционировали в своем развитии в целом так же, как вся страна. Но по совокупности показателей регионального развития в 1980-е гг. Северную Осетию, Карачаево-Черкесию и Кабардино-Балкарию относят к категории промышленно-аграрных полупериферийных регионов, Чечено-Ингушетию – к сырьевым периферийным, Адыгею – к аграрным периферийным и Дагестан – к отсталым периферийным регионам страны⁸.

Социально-профессиональные характеристики этнических обществ Северного Кавказа также свидетельствуют об их относительной отсталости. Так, по данным переписи населения 1989 г., в среднем по России на 1000 человек населения преимущественно физическим трудом было занято 649 человек. У большинства народов региона этот показатель оставался в пределах от 679 до 803 на 1000 человек населения. При этом существенно меньше, чем в среднем по России, они были представлены в таких профессиях физического труда, как машиностроители и химики, и существенно больше – среди работников сельского хозяйства, пищевиков, швейников, работников торговли и общественного питания. По удельному весу лиц, занятых преимущественно умственным трудом, подавляющее большинство местных

этносоциальных общностей заметно отставали от среднероссийского уровня. Особенно сильно “недопредставлены” они были в категории инженерно-технических специальностей. Но по удельному весу научных работников, преподавателей и воспитателей многие из них даже превосходили среднероссийский уровень.

В качестве одного из способов “измерения” уровня социально-культурного синтеза, достигнутого в результате модернизационного развития в советское время, можно применить предложенные в социологической литературе показатели взаимной адаптации этносов. Анализ показывает, что для большинства народов тюркоязычной группы и всех народов угро-финской группы характерна высокая степень адаптации к доминирующему русскому этносу (20-45% из них проживают в русских областях РФ, 15-38% состоят в смешанных браках, 15-60% признают русский язык в качестве родного). Существенно иная ситуация по этим признакам сохранялась у большинства народов Северного Кавказа⁹.

Прежде всего этновоспроизводственные процессы автохтонных народов Северного Кавказа локализовались почти исключительно в пределах территории их традиционного проживания. По данным переписи 1989 г., на территории своих автономных образований проживали 76,8% даргинцев, 82,2% кумыков, 77,6% лакцев, 69,0% ингушей, 93,0% кабардинцев, 76,8% чеченцев, 76,5% адыгейцев, 83,0% карачаевцев, 76,9% черкесов. Доля проживающих в русских областях у народов кавказской языковой группы колебалась на рубеже 1980-х-90-х гг. от 4,4% у кабардинцев до 21,7% у черкесов.

У народов Северного Кавказа сохранился самый низкий показатель приобщения к русской культуре как родной, и прежде всего к русскому языку. Представляется, что основной причиной такой ситуации является относительно низкий уровень урбанизации и, соответственно, высокая доля сельского населения у этих народов. Именно это обстоятельство служило фактором, препятствующим процессам культурно-языковой ассимиляции.

Так же оценивается и другой показатель взаимной адаптации этносов – уровень распространения смешанных браков. В республиках Северного Кавказа он оставался в промежутке от 9,0% в Чечено-Ингушетии до 17,6% в Северной Осетии. Иными словами, максимальная величина этого показателя в регионе примерно соответствовала его минимальной величине для народов тюркоязычной и угро-финской групп.

Выше отмечалось, что уже в 70-е годы начинается процесс сокращения численности русско-

го населения в ряде республик Северного Кавказа. В литературе высказывается мнение, что миграция в русские административные области представляла собой ответную реакцию русского населения в этих регионах на высокую степень замкнутости автохтонных народов на собственную культуру. Представляется, что это явление имеет гораздо более сложную природу, ибо раньше всего указанный процесс развернулся в таких разных по социокультурному облику республиках, как Северная Осетия и Дагестан. Более обоснованным является подход, учитывающий влияние факторов демографического роста, повышения уровня образования и урбанизации коренного населения¹⁰.

Модернизация стимулировала процессы этносоциальной консолидации народов региона. Общественные трансформации, связанные с осуществлением преобразований в этнических ареалах Северного Кавказа, уже в XIX в. способствовали процессам этносоциальной консолидации местных народов. Прежде всего речь должна идти о переселении горцев на плоскость, которое развивалось хотя и неравномерно, но неуклонно на протяжении полутора столетий. Уже на ранних этапах переселенческий процесс способствовал подрыву архаических социальных структур и формированию этносоциального единства отдельных горских народов. Специалисты считают, что даже депортация, в частности чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию, не только не приостановила процесса их этносоциальной консолидации, но в известном смысле способствовала ему¹¹.

Структуры национальной государственности давали не только символическую маркировку этнической идентичности, а были важнейшим элементом социально-политических и культурных механизмов этносоциальной консолидации современных народов Северного Кавказа. Они обеспечивали институциональное оформление этносоциальной организации, поддерживали формальные механизмы воспроизводства национальной культуры и тем самым способствовали торможению процессов национальной ассимиляции. Ценности и нормы традиционной культуры оставались фактором внутреннего сплочения этнических обществ и сохраняли значимые социорегулятивные функции. Традиционные “этнические” институты, связи и нормы действовали как этнический ресурс, обеспечивающий каждому индивидуальную социальную мобильность и успех в общественной жизни.

Модернизационные сдвиги 60-80-х годов привели в действие новые факторы этносоциальной консолидации народов Северного Кавказа: социальную и географическую мобильность,

интенсификацию социальных взаимодействий, массовую образованность и расширение слоя национальной интеллигенции. Все это приводило у народов региона к заметному подъему чувств национальной общности и национальной гордости, связываемой с собственной историей и высоким ценностным статусом этнокультурного наследия. Массовое национальное сознание стало основным носителем культурно-исторической преемственности северокавказского мира. В его структуре возникла как бы сдвоенная линия напряженности, сопрягающая оценку реального состояния данного этнического социума, с одной стороны, с ценностями национальной культурной традиции, с другой – с целями модернизации.

Этнические традиции продолжали жить и в социально-бытовом укладе, и это касается не только сельского, но и городского населения. Быстрые темпы урбанизации в 50-70-е гг. и массовый приток в город вчерашних сельчан приводили к воспроизводству здесь норм “негородского” характера, тесных групповых межличностных отношений, широкой “земляческой” взаимопомощи¹². Самой этноспецифичной областью жизни народов региона оставались семейно-бытовые и родственно-соседские отношения. Роль доминирующей этнически окрашенной инстанции выполняли семья, фамилия, родственники¹³. Интенсивность социальных связей между городом и селом выразительно иллюстрируют результаты исследований, проведенных в Кабардино-Балкарии в 70-е – начале 80-х гг. Они показали, что около 68% кабардинцев и балкарцев, проживающих в городах, посещают село не реже, чем один раз в месяц, а около 25% – не реже, чем один раз в неделю. Практически такова же была частотность посещения сельскими жителями города. Городские и сельские жители из числа кабардинцев и балкарцев демонстрировали практически одинаковую степень приверженности к этническим традициям и ритуалам в сферах свадебной и похоронной обрядности, соблюдения ряда архаических и религиозных запретов¹⁴.

Есть еще одно обстоятельство, чрезвычайно важное для оценки степени модернизации в национальных автономиях Северного Кавказа. При внимательном взгляде на данные переписей населения обращает на себя внимание определенная “аномалия” в развитии процессов урбанизации: рост удельного веса городского населения не сопровождался здесь снижением абсолютной численности сельского населения. Если по РСФСР в целом повышение удельного веса городского населения за 1959-1989 гг. с 52,2 до 73,4% сопровождалось сокращением абсолютной

численности сельского населения на 17 миллионов человек (с 56,1 до 39,1 млн.), то из северокавказских автономий только в Северной Осетии произошло незначительное сокращение численности сельского населения (с 214,1 до 198,7 тыс. чел.). В Карачаево-Черкесии, Адыгее и Кабардино-Балкарии сельское население увеличилось (соответственно, с 212,1 до 213,3; с 189,6 до 206,9 и с 254,7 до 293,0 тыс. чел.). В Дагестане абсолютная численность сельского населения увеличилась в 1,3 раза (с 764,1 до 1023,0 тыс. чел.), а в Чечено-Ингушетии она выросла почти вдвое (с 418,0 до 745,1 тыс. чел.).

Этносоциальные и этнокультурные особенности северокавказских народов сказывались при освоении ими как советских форм модернизации, так и “брешей” экономической системы позднего госсocialизма (теневая экономика, вывоз на российские рынки частной сельхозпродукции, “шабашничество” и т.д.).

Значительная доля трудоизбыточного населения в регионе стала причиной воспроизведения трудовых практик, не соответствовавших нормам социалистической экономики: высокого уровня индивидуальной занятости в домашнем хозяйстве (например, в Чечено-Ингушской АССР – до 30% трудоспособного населения, в Кабардино-Балкарии – 16%), самозанятости в теневой экономике, отходничества на заработки в другие регионы страны. По оценкам современных исследователей, в советское время до 40% населения автономных республик Северного Кавказа не могли найти работу в пределах своих регионов¹⁵.

Сумев адаптировать колхозно-совхозную систему к своему частнохозяйственному интересу и обеспечив приток дефицитной сельскохозяйственной продукции в Россию, крестьяне кавказского региона тем самым создали условия для бурного роста теневых торговых структур, постепенно втянувших в сферу своей активности немалые фракции населения. Но их притяжение было бы куда слабее, не используя они к своей выгоде традиционный комплекс социальных связей и отношений (общинных, родовых, клановых, семейных)¹⁶. В Дагестане и Чечне, где сельское население составляло огромный социальный массив, официальные идеологические и властные структуры не столько управляли им, сколько обрамляли его жизнедеятельность “советскими” декорациями¹⁷.

Круг современных противоречий и проблем, связанных с Северным Кавказом, непосредственно коренится в результатах социально-культурных трансформаций, которые регион претерпел на протяжении советского периода нашей истории. В целом для народов Северного

Кавказа это был период интенсивного развития, реальной модернизации.

Вместе с тем ни характер развития модернизационных процессов в регионе, ни их общие итоги не позволяют считать, что была преодолена дуалистичность социально-экономических структур и культурных ориентаций северокавказских этнических обществ. Однако константная для XIX-XX вв. проблема тесного взаимоплетения и взаимодействия традиционалистских и современных, этноспецифических и интернациональных элементов в социально-экономических структурах, социальной практике и культуре северокавказских автономий претерпела заметное видоизменение к концу советской эпохи. Во-первых, дуализм стал характеризовать внутреннее состояние каждого этнического социума. На ранних этапах преобразований местные этносоциальные общности выступали на социоэкономической карте региона как своего рода анклав традиционализма, подвергающиеся внешним модернизационным воздействиям. К 1980-м годам в недрах каждого из них сформировались свои сектора, сферы, институты, социальные слои, чьи функционирование и жизнедеятельность воплощали результаты социально-экономической и культурной модернизации. Во-вторых, взаимодействие этносоциальных и этнокультурных традиций с современными формами производственной, организационно-управленческой, социально-культурной деятельности по-прежнему порождало определенные явления социально-психологической напряженности. Однако содержание ее стало более сложным. В общественном сознании противоречиво сочетаются позитивное отношение к современным формам жизнедеятельности и высокая оценка этнокультурной традиции, неудовлетворенность в связи с трудностями доступа к престижным профессиональным сферам и тревога по поводу возможной потери национальных корней.

С конца 80-х годов официальным содержанием политики Российского государства становится программа экономической и политической модернизации страны – переход к рыночной экономике и демократии. В северокавказских обществах имелись предпосылки, позволяющие им органично включиться в общероссийский модернизационный процесс: достаточно развитой городской и промышленный сектор, представительный профессиональный класс, укорененность в массовом сознании принципов трудовой этики и ценностей равенства. Однако реальный ход событий в стране вылился в глубокий кризис государственности и подрыв устоев общественного порядка. В этих условиях народы Се-

верного Кавказа оказались вынужденными не столько осваивать возможности модернизации, сколько противостоять вызовам архаизации.

Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009 – 2013 годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Очерки истории Адыгеи. Т.П. Майкоп, 1981. С.122, 206.
- ² В дальнейшем, если не указано иное, цифровые данные приводятся по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т.V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. СПб., 1999; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т.10. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. М., 1990; Возраст и состояние в браке населения СССР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть 1. М., 1991; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть II. М., 1991; Профессиональный состав населения коренных и наиболее многочисленных национальностей Российской Федерации по данным переписи населения 1989 года. М., 1992.
- ³ Цуцнев АА., Дзугаев Л.Б. Северный Кавказ. 1780-1995. История и границы. Владикавказ, 1997. С.13-14.
- ⁴ Абубакаров Т.Т. Развитие населения Северного Кавказа (1917-1977): Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 1980. С. 9-11.
- ⁵ Муслимов С.Ш. От свободомыслия к научному атеизму: Процесс секуляризации и атеизации общественно-го сознания народов Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1987. С.109.
- ⁶ Кошев М.А. История и проблемы культурно-технического развития рабочих кадров народов Северного Кавказа в 60-е – начале 80-х годов. Майкоп, 1994. С.70-71.
- ⁷ Абубакаров Т.Т. Развитие населения Северного Кавказа (1917-1977): Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 1980. С.12.
- ⁸ Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М., 2006. С.336-341.
- ⁹ Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. Ростов-на-Дону, 1996. С.64.
- ¹⁰ Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.
- ¹¹ Карпов Ю.Ю. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в новое и новейшее время // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. СПб., 2001. С.196-197.
- ¹² Карлов В.В. Этнокультурные процессы новейшего времени. М., 1995. С.83-84.
- ¹³ Цуцнев А.А. Русские и кавказцы: очерк незеркальной неприязни // Вестник института цивилизации. Владикавказ, 1998. Вып.1. С. 251.
- ¹⁴ Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев

и балкарцев. Нальчик, 1986. С.60, 271.

¹⁵ *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.* Безработица и новые формы занятости населения на Северном Кавказе // Социологические исследования. 2005. №7. С. 33-36.

¹⁶ *Панарин С.А.* Позиционно-исторические факторы кавказской политики // Полис. 2002. №2. С. 111-112.

¹⁷ См. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. С.110.

PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION OF THE NORTH CAUCASUS: SOVIET EXPERIENCE

© 2010 А.Н. Borov

Kabardino-Balkaria State University, Nalchik

The article presents an assessment of major trends of the historical process in the North Caucasus region during the XX century. The author argues that their general drift was towards modernization but the duality of traditional vs. modern, ethnic vs. transnational etc. in the structures of local societies and cultures was by no means overcome towards the end of 1980s. From here one could trace the origins of most current problems in regional development. Key words: Russia, North Caucasus, history, integration, modernization, XX century.